

Я провела достаточно времени в этой среде, но поняла, что мои знания были на удивление односторонними, особенно когда дело касалось рыцарей. Я полагала, что хорошо разбираюсь в них, но правда была совершенно противоположной — мои знания были ограничены.

— У нашей семьи глубокие связи с королевской фамилией, так что мы с принцессой практически выросли вместе. Однако однажды Эш Грин появился в королевском дворце, выглядя так, словно прошёл через жестокую битву, и сразу привлёк внимание принцессы, — вспоминал Дин Лидс, его глаза сузились, когда он углубился в прошлое. — С этого момента принцесса сжалась над Эшем Грином и часто приглашала его во дворец. Семья герцога, по сути, доверила его её заботам, предоставив ей полную свободу действий в этом вопросе.

Я никогда не задумывалась, почему Эш Грин был компаньоном детства принцессы. Я просто предполагала, что, как и в случае с Дином Лидсом, дело было просто в том, что их семьи были близки и они выросли вместе. Однако правда была иной — Эш Грин не был другом детства, скорее, принцесса Элисита взяла его под своё крыло.

— Я не могу сказать, как с ним обращались дома, но каждый раз, когда он посещал дворец, он смотрел на принцессу такими жалостливыми глазами, словно умолял кого-то обратить внимание на его страдания. Это было невыносимо... — голос Дина Лидс смягчился, когда он вспоминал те моменты.

— Он редко отвечал, когда его спрашивали, просто излучал ауру одиночества и безысходности. Даже когда ему предлагали возможные решения, он отказывался, настаивая: «Но они всё равно моя семья». На самом деле, чего он ожидал?

Выражение лица Дина Лидса слегка напряглось, как будто он заново переживал те моменты.

— Принцесса повелась на его поступок и с тех пор была к нему чрезмерно добра. Даже его путь к тому, чтобы стать рыцарем и сбежать от своей семьи, осуществился во многом благодаря её помощи.

— Так ты хочешь сказать, что он стал рыцарем не по собственной воле? — спросила я, ища разъяснений.

— Я не могу сказать, было ли это его собственным желанием, но его мотивацией совершенно точно было сбежать от своей семьи. Его навыки владения мечом были единственным, что даже его семья не могла отрицать, — ответил Дин Лидс, облегчённо вздохнув и массируя виски.

— После всей помощи, которую он получил, этого должно было быть достаточно. Почему принцесса продолжает вкладывать в него деньги? Я бы хотел, чтобы он заботился о своих ранах и шрамах, не делая их слишком заметными для принцессы, чтобы не мешать её будущему.

— ...Я позабочусь об этом, — ответила я, мой голос был почти лишён эмоций.

Итак, Эш Грин с детства подвергался жестокому обращению дома, и Элисита, движимая жалостью, взяла на себя заботу о нём. Это была суть того, что рассказал мне Дин Лидс. Если бы это действительно было так, это могло бы объяснить странное поведение Эша Грина.

— Хотя он и притворяется, что это не так, он совершенно очевидно жаждет, чтобы кто-нибудь признал его боль, — заметил Дин Лидс, неодобрительно прищёлкнув языком.

Был ли Эш Грин действительно таким прозрачным? Конечно, он демонстрировал непривычное поведение во время турнира, но в обычных обстоятельствах он излучал такую жизнерадостность, что трудно было представить глубину его прошлых страданий. На самом деле его жизнерадостность была настолько бросающейся в глаза, что почти вызывала вопросы.

Сидя перед Дином Лидсом, я не могла не вздохнуть, обдумывая ситуацию. Чем больше я вникала в суть дела, тем более ошеломляющим это казалось. Хотя я могла понять, почему принцесса Элисита почувствовала жалость к Эшу Грину, я оставалась неуверенной в своих дальнейших действиях. Я дала обещание присматривать за ним, но была в растерянности, когда дело доходило до общения с кем-то, кто пережил такое болезненное прошлое. Более того, в данный момент он даже не был готов встретиться со мной.

— Эш Грин теперь под вашей ответственностью, поэтому, пожалуйста, воздержитесь от передачи его обратно принцессе. Было бы ещё лучше, если бы вы могли оставить его при себе, — искренне посоветовал мне Дин Лидс.

— Не волнуйтесь, — заверила я его, моя решимость была непоколебима.

Независимо от характера Эша Грина, я не могла бросить его. Каким-то образом мне нужно было пробиться сквозь стены вокруг его сердца и заслужить его доверие... Перспектива была пугающей. Завоевать кого-либо при обычных обстоятельствах и так было непросто, не говоря уже о ситуации, подобной этой.

— Это обнадеживает, — ответил Дин Лидс, его удовлетворение было очевидным. — Есть ли что-нибудь ещё, что вы хотели обсудить?

— Нет, это было всё. Приношу свои извинения за внезапное вторжение.

— Что ж, пока Эш Грин не создаёт больше серьёзных проблем, меня это устраивает, — ответил он.

Дин Лидс, казалось, испытал явное облегчение после обсуждения Эша Грина, и на его лице появилась лёгкая улыбка.

— В следующий раз я пришлю вам саженец розы в знак моей благодарности.

— Я не откажусь, хотя должен признать, что у меня уже есть большинство сортов роз, — как ни в чём не бывало заявил Дин Лидс. Верный своему прозвищу «Герцог Роз», он обладал обширной коллекцией этих цветов.

Я была хорошо осведомлена об этом, вот почему я тщательно выбрала недавно привезённую розу в качестве подарка.

— Это саженец был недавно привезён из Нового Света, так что, скорее всего, это разновидность, с которой вы раньше не сталкивались, — объяснила я.

Дин Лидс молча смотрел на меня со странным выражением лица. Его глаза цвета тыквы, казалось, оценивали, откуда я могла знать о таком редком сорте роз.

— Тогда я с радостью приму это, — ответил он после короткой паузы, наклоняя свою чашку.

Я последовала его примеру, наслаждаясь нежным ароматом чая, настоящего на розах.

— ...Я хотел бы вас кое о чём спросить. Поскольку я ответил на ваши вопросы, надеюсь, вы ответите мне взаимностью, — легко и плавно произнёс Дин Лидс, осторожно ставя свою чашку на стол.

— Конечно. Что бы вы хотели знать?

— Как вы узнали о предложении принцессы Эшу Грину? Даже я не знал об этом факте.

Я сделала глоток чая, на мгновение задумавшись над своим ответом.

— В таком месте, как королевский дворец, секреты редко можно сохранить. С таким количеством глаз и ушей неизбежно, что кто-нибудь что-нибудь подслушает, вы так не считаете? — спросила я, отвечая вопросом на вопрос.

Принцесса Элисита сделала Эшу Грину предложение в дворцовом саду, и действительно, кто-то подслушал их разговор.

Вот как Коллетт узнала, а впоследствии и я тоже пришла к осознанию.

— Вначале я думал, что вы просто чудачка с большой удачей, но, похоже, у вас есть свои методы, — заметил Дин Лидс.

— ...Возможно, — ответила я, хотя и с опозданием.

Дин Лидс всегда придерживался несколько отстранённого взгляда на людей, но услышать от него такую оценку обо мне было слегка удивительно.

Всегда ли он считал меня эксцентричной? Мне было любопытно узнать, придерживался ли он такого же мнения в прошлом, но это был не тот вопрос, на который нынешний Дин Лидс мог ответить.

Эш Грин обнаружил, что съёжился в одиночестве в тускло освещённой комнате, посреди окутавшей его темноты. Он сидел на полу, прислонившись спиной к кровати, подтянув колени к груди и крепко обхватив их руками.

В тишине, воцарившейся в комнате, он рассеянно поскрёб свою кожу короткими ногтями — ритуал, ставший слишком привычным после завершения турнира по фехтованию.

Каждый день, по мере того, как часы тянулись и опускалась ночь, он ждал в своей одиночной камере, когда воспоминания о прошлом всплывут в его сознании, но только для того, чтобы позволить им снова кануть в неизвестность.

Поскольку переход от сумерек к глубокой ночи стирал различие между тенями, Эш в конце концов набирался сил подняться со своего места и закутаться в одеяла, как будто погружаясь в саму землю.

Сегодняшний вечер ничем не отличался от предыдущих; Эш ждал именно этого момента, с апатией прислушиваясь к звукам за плотно закрытым окном и тяжёлыми портьерами. Он не столько слушал, сколько его уши были остро настроены на единственный источник шума в гнетущей тишине его комнаты.

Взрыв смеха сумел проникнуть сквозь барьеры, достигнув его ушей. При звуке веселья дрожащие пальцы Эша, скованные произвольными спазмами, глубже впились в его собственную кожу. Скопление красных линий от сегодняшних нанесённых самому себе царапин испещрило его плоть замысловатым узором.

Глядя на хаотичные отметины, которые он создал, Эш Грин находил извращённое утешение в осознании того, что его тупые ногти обеспечат быстрое исчезновение отметин. Воодушевлённый этой мыслью, он сильнее вонзил ногти в предплечье, смирившись с причинённой самому себе болью. Когда он усилил давление, кожа поддалась, и крошечные кровеносные сосуды лопнули, окрасив поверхность в багровый цвет. Тупая пульсирующая боль, исходящая от раненой плоти, каким-то образом принесла Эш Грину мимолётное чувство облегчения, как будто он мог на мгновение вздохнуть свободнее.

Он понимал, что всё это было иллюзией, что его действия были саморазрушительными, но чувствовал себя бессильным остановить этот цикл. Боль, как вид искажённой магии,

немедленно отдала его от мучительных мыслей в его голове. Одного этого было для него достаточно.

Эш Грин намеренно продолжал рвать собственную плоть, цепляясь за видимость контроля, которую это давало. Когда его распухшая рука провела по неровным шрамам, он поверил, что добился прогресса. Хотя он и не мог полностью избавиться от тяги к членовредительству, по крайней мере, вид крови больше не преследовал его — слабый проблеск улучшения.

Однако, по сути, на самом деле ничего не изменилось. Инструменты, возможно, стали другими, но характер его действий остался неизменным. Он оставался пленником своих собственных страхов, предпочитая искать убежища в боли, а не противостоять неумолимой реальности, которая окружала его. Перспектива отказаться от этого механизма преодоления трудностей казалась такой же призрачной, как и прежде.

«Какой же я дурак», — с горечью подумал Эш Грин.

И всё же, несмотря на осознание иррациональности своих действий, он оставался в ловушке безжалостного цикла. Само усилие, необходимое для того, чтобы исправиться, казалось ошеломляюще сложным.

Погружаясь в пучину отчаяния, Эш выработал давний механизм преодоления: наслаивание боли на боль, саморазрушительный акт, который напоминал погружение всё глубже в трясину. Он посмотрел на свою руку, теперь покрытую синяками и побледневшую от боли.

Кто вообще мог полюбить рыцаря в таком жалком состоянии? Мог ли кто-то, настолько сильно покрытый позорными шрамами, всё ещё претендовать на титул рыцаря? Возможно, он совершенно не заслуживал такой чести. Любому, кто видел его в таком состоянии, он должен казаться отвратительным. Не говоря уже о чести рыцарского плаща — честь дворянина и честь мужчины была бы поругана его действиями; такая гротескная внешность неизменно вызывала бы отторжение у всех.

Кто вообще может любить меня, когда я не могу постоять за себя?

Мысли Эша Грина мучили его.

— Без сомнения, меня будут ненавидеть... — тихо пробормотал он, уткнувшись лбом в колени.

Именно поэтому он не хотел, чтобы кто-либо был свидетелем его деградации. Он жаждал, чтобы его убожество оставалось скрытым от всех. Одна мысль о том, что кто-то наткнётся на него в таком состоянии, наполнила его внутренним желанием немедленной смерти. От одной мысли о том, как сильно они будут презирать его, у него перехватило дыхание. Он скорее предпочёл бы смерть такому испытанию.

<http://tl.rulate.ru/book/49548/3939148>